

— **5 февраля** Иринка уехала в Ленинград продолжать учёбу на втором курсе. Сашуля взяла очередной отпуск сидеть с внуком Мишей.

— Ну, отсидишь ты месяц, а дальше что? - спрашивал я её.

— Не знаю. Дальше пусть Ужгины думают.

— Чего же они сейчас не думают? На фига тебе своим отпуском жертвовать? Тебе же тоже отдохнуть надо.

— Я не могу иначе. Потом пойду на полставки, а она (сватья) пусть няньку ищет на полдня.

— От Димы сведения были, что он вроде бы лёг на обследование в больницу, после чего надеется получить академотпуск и вернуться домой. Это подтвердила по телефону Иринка уже из Ленинграда. Я по-прежнему ни в какой академотпуск не верил и полагал, что зятя из института отчислят, после чего он должен загреметь в армию, если мамаша не выручит со своими связями.

— А внук наш тем временем вот-вот должен был пойти, пока же быстро-быстро, как таракан, ползал по всей квартире на коленках. Майечка, когда была у нас в конце лета, нашла его хиленьким, но тогда он был только после болезни. Сейчас Мишутка окреп и проявлял ловкость и силу - не сравнить с Митей в этом же возрасте. Ходить ещё не умеет, а на диван самостоятельно залезает, буквально подтягиваясь на ручонках, крепко вцепившихся в покрывало, и слезает с него, плюхаясь попой на пол. Боевой парень, вот только скандалист упрямый, в родителей.

Миша в марте 1986 г.

— В феврале зима взялась за дело по-настоящему. Весь февраль погода стояла не просто минусовая, а с морозами в минус 10-15 градусов, доходившими и до двадцати, как, например, утром **8 февраля**.

— В этот день мы ездили в Сосновый Бор с Кореньковым и Смертиным. Давление было 749-748, переменное, слабый северо-восточный ветер, температура воздуха от минус 20 градусов утром поднялась до минус 13 днём. Новый лёд стоял повсюду сплошняком. Ходили полтора часа под Бальгу, где я удачно ловил 18 января, причём Коренькова всё время тянуло вправо, под разрыв (проход в Приморскую бухту между островами), но я уверенно шёл на "своё" место, и компаньоны мне подчинились.

— Правда, там, где мы уселись поначалу, за полчаса ни у кого ни разу не клюнуло, и мы передвинулись метров на триста вперёд, ближе к маяку. На новом месте клевало очень хорошо с 12.00 до 15.00. Я поймал двух приличных судаков по кило триста - кило четыреста граммов, и двух небольших, одного на 37 сантиметров - отпустил, а второго - на 39 см оставил. Мы со Смертиным пытались растянуть его до нормы, когда он замёрз, но безуспешно. Когда возвращались, я его на всякий случай в штаны сунул, но рыбнадзора в этот раз на берегу не было.

Кроме того было много поклёвок мелкого судака, и одного крупного я тащил в 15.00, но он сошёл уже у самой лунки. Кореньков поймал четырёх судаков, но из них два недомерка отпустил обратно. Смертин поймал двух в "норме", то есть чуть больше 40 см длиной каждый.

Подпортил нам маленько настроение один парень нахальный. Мы сидели втроём на отшибе, а парень этот (в очках, но не шибко интеллигентного вида) бегал по заливу, искал, где ловится. Увидел, что мы интенсивно руками машем над лунками, и к нам. А у нас судаки у лунок валяются. Так он хоть бы отошёл маленько в сторонку, влез прямо в наш "треугольник" и начал долбиться. Я не утерпел, сказал ему:

- А ты поближе ещё не мог место выбрать?

Парень, не долго думая, ответил:

- Могу и поближе, - и в самом деле передвинулся ещё ближе к моим лункам. Не выдержал теперь Смертин и посоветовал парню мотать отсюда:

- Не видишь, что ли, тут компания! Мы специально от людей отсели, чтобы никто нам глаза не мозолил, а ты тут влез за чужой стол как к себе домой.

- Ваш, что ли, залив собственный? Где хочу, там и ловлю, - огрызнулся парень.

Можно было, конечно, ему и по шее надавать за некультурное поведение, но не

хотелось от ловли отвлекаться. А парень вытащил норму - три штуки, и ускакал на четырёхчасовой дизель. Шустрый парнишка оказался.

___ Через неделю (**16 февраля**) мы снова были в этом месте тем же составом плюс один смертинский знакомый из университета - Шевченко. Погода была получше: минус 12 градусов утром, минус 4 днём, ясно, давление 754-750 мм, ветер восточный, умеренный, а обстановка оказалась хуже: почти всё пространство между Бальгой и маяком перегородили рыболовецкими сетями.

___ Ловили у маяка, чуть правее, ближе к разрыву, сменили три места. На последнем я поймал одного судака на кило шестьсот в 15.00, Смертин - двух недомерков и Кореньков - одного, отпустили их с Богом в надежде на лучшее, но больше ничего не поймали.

___ Возвращались не в Сосновый Бор, а в Валетники, шли 1 час 50 минут до берега. По рассказам, клевало у всех плохо, хотя все ходили далеко.

8 августа 1986 г., там же

ЦТ в преддверии XXVII съезда КПСС помимо мероприятий, проводимых под крики "Ускорение!", а чуть позже "Перестройка!", устроило шоу - "Телемост Ленинград-Сиэтл", предназначенное продемонстрировать демократичность советского общества и миролюбие советского народа. Продемонстрировать в первую очередь советскому народу, разумеется, как обычно в подобных передачах.

Организатором и ведущим передачи с советской стороны был журналист Владимир Познер, поживший в обоих обществах: он будто бы родился и вырос в США, и даже вроде бы работал там, а потом как-то очутился в Советском Союзе. Я его уже видел раз по телевидению, он вёл беседу с московским корреспондентом "Нью-Йорк Таймс" и сетовал на то, что в Штатах очень плохо поставлено дело с объективной информацией о Советском Союзе, а это, мол, разъединяет народы.

Американский корреспондент не спорил с ним, а позволил себе только заметить, что тут нужны обоюдные усилия. Мне же подумалось: вот взять бы любой печатный советский орган массовой информации, освещающий вопросы международной жизни, например, "За рубежом", и подсчитать соотношение положительной или хотя бы нейтральной информации о США и отрицательной, содержащей критику Рейгана, его "подручных" и "их нравы" вообще. Уверен, что последняя составит более 90% при любом способе подсчёта. Риторика с нашей стороны вполне в духе "холодной войны", тут же, впрочем, осуждаемой.

Но вот - телемост, направленный как раз вроде бы против этого духа. "Непосредственная" беседа через океан. Задавайте друг другу вопросы. Не стесняйтесь. Забавно было смотреть. Они нам про Фому, а мы им про Ерёму. Совсем как в старом анекдоте:

- Сколько у вас "Волга" стоит?

- А зато у нас негров не линчуют!

Американцы удивляются (и самое ценное в этой передаче - показ этого удивления):

- Разве может такое быть, чтобы абсолютно все поддерживали своё правительство?

А наши отвечают:

- А как же? Конечно. Вот мы все здесь поддерживаем своё правительство. Это наше родное правительство. Мы его выбрали и полностью одобряем его политику.

А американцы говорят:

- А вот у нас здесь на студии сидят люди разных убеждений. Одни поддерживают Рейгана, другие выступают против. Вот бывший солдат, он боролся с правительством против войны во Вьетнаме. А там на улице ходят люди, которые протестуют против этой нашей передачи, и это нормально. Это их право. Вы же все говорите одинаково, и нам приходится думать, что так организована передача с вашей стороны, так отобраны люди

для этой встречи.

— Тут, конечно, вопли возмущения, советские люди глубоко оскорблены:

— - Какой отбор? О чём вы говорите? Вы думаете - мы все здесь агенты КГБ? Какой вздор! Приезжайте в Советский Союз, и вы увидите, что у нас все так думают, все поддерживают партию и правительство!

— Встаёт девушка и взволнованно объясняет американцам:

— - У нас нет демонстраций протеста на улицах, потому что наши депутаты подотчётны своим избирателям. Каждый может прийти к своему депутату и потребовать от него, что ему нужно.

— Особенно ветераны нервничали:

— - Как же нам свою власть не любить? Мы за неё кровь проливали. И никому в обиду не дадим.

— А американский ведущий заключает:

— - Вот нас и пугает, что вы отдали всё на откуп своему правительству и никак на него не влияете. От наших с вами разговоров ваше правительство никак не зависит. Но мы всё равно за контакты, за взаимопонимание и т.д., и т.п.

— Несмотря на чушатины, которую пороли участники дискуссии с советской стороны, передача показалась мне полезной, действительно несущей некий новый элемент для советского телезрителя: мнения и недоумения американцев. Если над ними задуматься, то услышанные привычные аргументы наших соотечественников могут показаться и не такими уж убедительными.

— Через пять месяцев, в день нашего приезда в Севастополь, вечером по ЦТ передавали новый телемост Ленинград-Бостон, в этот раз сугубо женский, если не считать тех же, что и в прошлый раз, ведущих. Истеричности с нашей стороны было ещё больше. Одна молодая советская женщина была очень возмущена тем, что американцы поинтересовались, почему в передаче не участвуют женщины, интервью с которыми они читали у себя в прессе.

— - Мы этих женщин не знаем! Вы нас спросите! Что, мы вам не нравимся?!

— Познер этим выступлением, судя по его виду, был очень доволен, и редакция ЦТ тоже - его давали накануне в рекламе передачи.

— Познер и сам активно участвовал в дискуссии, помогая своим подопечным. Вот его перлы. В Штатах его как-то спросили: - Россия - страна великих писателей. Толстой, Достоевский,... Почему так плохо обстоит дело с литературой сейчас?

— На что Познер, ничтоже сумняшеся, ответил: - Да просто в США не печатают советских Толстых и Достоевских ... (а так у нас их пруд пруди!).

— Или ещё: кто-то из американцев сказал, что у них нет препятствий для переезда из одного города в другой. Тут Познер резко обернулся к своей аудитории и спросил: - Скажите, здесь есть кто-нибудь, кто хотел бы поехать в какой-нибудь город Советского Союза, но не мог этого сделать?

— Разумеется, таких не оказалось. А мы сидим в Севастополе, только что проехав через КП по своим липовым командировочным удостоверениям, и удивляемся: - Во, нахалюга! А, может, он и в самом деле не знает про такие города? Ну, не он, так кто-нибудь другой на ЦТ должен же знать? Или это не важно, чего уж там, мелочи?

— Пора бы уж привыкнуть ко всем этим нашим рьяным борцам за правду и справедливость в Штатах и где угодно ещё, но только не в родной стране, так сыто и вкусно кормящей их зарубежными командировками, - ко всем этим Боровикам, Бовиным, Дунаевым, Жуковым, Зориним, Сейфуль-Мулюковым и Фесуненко, с их иронией, сарказмом, задушевностью и полным отсутствием совести. Ведь эти "борцы" не дети и прекрасно понимают, что ни в Штатах, ни где-либо ещё на Западе никого их выступления не интересуют, что они выступают исключительно для советской публики в оправдание своего правительства, что бы оно там не творило ...

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)